

Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане

Акбота Кенжекожаева, Жолдасбек О. Мамбетов

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан,

Пакизат Т. Ауесбаева

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, Республика Казахстан

В статье рассматриваются три национальные версии (казахская, уйгурская, узбекская) притчи о казане, в которых отразились качества Ходжи Насреддина, показан процесс адаптации и изменения текста в зависимости от культурных и литературных контекстов тюркских народов. Источниковой базой послужили тексты: казахской притчи «Почивший казан», уйгурской версии «Казан был беременным» и узбекская версия «Разве может умереть казан?»

Выявлены и описаны сходства в версиях и отличия в сюжете, описаниях характеров, в действиях. Отмечается, что Ходжа Насреддин не ведет открытую борьбу, а использует выгоду от сложившейся ситуации, использует юмор, его действия опираются на народную мудрость. Обсуждаются трактовки его образа, варианты его образа в национальных традициях. Подчеркивается такое свойство образа Ходжи Насреддина как легкая адаптируемость к меняющимся условиям.

Ключевые слова: Ходжа Насреддин; тюркская литература; тюркский фольклор; притча; образ соседа

Для цитирования:

Кенжекожаева А., Мамбетов Ж. О., Ауесбаева П. Т. Мудрость и юмор Ходжи Насреддина в контексте различных версий притчи о казане // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 300-311. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

Кенжекожаева Акбота — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ak_bota555@mail.ru Научный руководитель — к. филол. н. Ж. О. Мамбетов.

Мамбетов Жолдасбек Ормаханович — кандидат филологических наук, доцент кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: zholdas_19@mail.ru

Ауесбаева Пакизат Тенизбаевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: ksaryarka@inbox.ru

The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan

Akbota Kenzhekozhayeva, Zholdasbek O. Mambetov

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Pakizat T. Auesbayeva

M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan

The article examines three national versions (Kazakh, Uighur, and Uzbek) of the parable about the cauldron, in which the qualities of Hodja Nasreddin are reflected, and the process of adaptation and transformation of the text is shown depending on the cultural and literary contexts of Turkic peoples. The source base includes the following texts: the Kazakh parable "The Deceased Cauldron", the Uighur version "The Cauldron Was Pregnant", and the Uzbek version "Can a Cauldron Die?".

The study identifies and describes similarities among the versions, as well as differences in plotlines, character descriptions, and actions. It is noted that Hodja Nasreddin does not engage in open confrontation, but rather takes advantage of the situation, employing humor; his actions are grounded in folk wisdom. The article discusses various interpretations of his image and its manifestations within national traditions. Special attention is given to the adaptability of Hodja Nasreddin's character to changing conditions.

Keywords: Hodja Nasreddin; Turkic literature; Turkic folklore; parable; image of the neighbor

For citation:

Kenzhekozhayeva A., Mambetov Zh. O. and Auesbayeva P. T. The wisdom and humor of Hodja Nasreddin in the context of various versions of the parable of kazan. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 300-311. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.18>

KENZHEKOZHAYEVA, Akbota, PhD Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. E-mail: ak_bota555@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1380-2753

MAMBETOV, Zholdasbek Ormakhanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Kazakh Literature and Literary Theory, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. E-mail: zholdas_19@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6389-5356

AUYESBAEVA, Pakizat Tenizbaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: ksaryarka@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7716-9715

Введение

Широко распространенные в фольклоре народов мира элементы сатиры и юмора через языковое сознание каждого народа насыщают его мировоззрение и этническую картину мира. Социальные явления, вызванные столкновением таких противоположных понятий, как добро и зло, молодость и старость, мудрость и невежество, бескорыстие и подлость, жизнь и смерть, посредством художественного мышления, выражаются в литературных произведениях. Поэтому в разных уголках мира люди создают сатирические персонажи, с помощью которых могут высказать вслух и поделиться с обществом проблемами и тяготами жизни. Большинство подобных героев — глашатаи справедливости, критики богатых, сторонники слабых. Они красноречивы, умны, хитры, их поступки и слова забавны, порой наивны. Содержание и цель сатирических произведений относятся к общечеловеческим, а их герои продолжают переходить от одного народа к другому, иногда меняя внешний вид и имя, но всегда сохраняя свое «естество».

Одним из таких персонажей является Ходжа Насреддин, который широко распространен в литературе Средней Азии и на Ближнем Востоке (Юлдашева, 2020). В различных сюжетах он предстает перед читателями и мудрецом, и проказником, и шутником, и глупцом, и простаком, и чудачком и т. д. Вариации Ходжи Насреддина каждого народа не только имеют общие, но и индивидуальные черты. Возможно, это связано с наложением на образ Ходжи Насреддина некоторых особенностей каждого тюркского народа и созданием модели героя согласно собственным представлениям.

Литературовед Я. Мадалиев считает, что главным критерием признания юмористического и сатирического жанра народного творчества является национальная идентичность: «Сатирический фольклорный персонаж, должен проявлять одно из главных качеств национального характера, чтобы быть героем народного творчества. Ходжа Насреддин не мог бы стать Ходжой Насреддином, если бы не приобрел национальный характер тюркоязычных народов»¹ (Мадалиев, 2010: 131). По мнению Л. Гергоковой, в результате развития культуры и традиций любого этноса вносятся или исчезают некоторые черты национального характера, формирующие его индивидуальность, этот процесс затронул и рассказы Ходжи Насреддина: «Следовательно, Насреддин, вобрав в себя разные качества национальных героев, предстает перед читателем как один из сложных характеров, и масштаб данного образа определяется в его взаимоотношениях с другими персонажами» (Гергокова, 2019: 210).

Доказательством уникальности и важности литературного образа Ходжи Насреддина для всех тюркских народов стало включение традиции пересказа притчей о Ходже Насреддине в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества на 17-й сессии межправительственного комитета ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия, которая состоялась в декабре 2022 г.² Кроме того, образ Ходжи Насреддина способствует более глубокой оценке всего богатства и разнообразия мудрости и юмора тюркских народов, тем самым содействует культурному обмену и взаимопониманию между народами.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые был проведен сравнительный анализ версий притчи о казане, центральным персонажем которого является Ходжа Насреддин. В ходе этой работы было установлено, что версий этой притчи в литературе разных народов имеют свои отличия. Также посредством присущих образу Ходжи Насреддина мудрости и юмору была установлена важность данного персонажа в тюркской литературе.

Для характеристики образа Ходжи Насреддина, его ума, находчивости и смекалки, была выбрана притча о казане, версии которой встречаются сразу у нескольких тюркских народов: казахов, кыргызов, узбеков, уйгуров, татар, турок, караимов, туркменов. Но, так как сюжетные линии татарской, турецкой, кыргызской, караимской и туркменской версий практически совпадают, в качестве объекта исследования были взяты казахский, уйгурский и узбекский варианты.

¹ Перевод А. Кенжекожаевой.

² Telling tradition of Nasreddin Hodja / Molla Nesreddin / Molla Ependi / Apendi / Afendi Kozhanasyr Anecdotes [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/telling-tradition-of-nasreddin-hodja-molla-nasreddin-molla-ependi-apendi-afendi-kozhanasyr-anecdotes-01705> (дата обращения: 30.12.2024).

В притче присутствует традиционный мотив юмора и мудрости, характерный для литературы и в целом для культуры тюркских народов. В сюжете произведения отразились тюркское мировоззрение и обычаи, связанные с понятиями «казан», «сосед», «соблезнование». Изобретательность Ходжи Насреддина, алогичные и иррациональные выводы в развитии действия произведения придают этой истории уникальный характер. Главный герой притчи Ходжа Насреддин пытается убедить людей жить в мирных и дружеских отношениях, а также обратить внимание на свои проступки и ошибки, исправить недостатки. Какую бы из версий притчи о казане у вышеупомянутых тюркских народов ни рассматривали, основной темой остаются нравственность, духовные ценности, различие между добром и злом.

По мнению турецких литературоведов Г. Торусдаг и И. Айдын, главный смысл рассказов о Ходже Насреддине — гуманистические ценности. Заложенные в произведениях послания могут одновременно вызвать смех и заставить задуматься (Torusdağ, Aydın, 2020: 2892). Также в них представлены такие ценные человеческие качества, как чувство юмора, стремление к размышлению, обучению, умение привлечь внимание (Adar, 2019: 32). На первый взгляд Ходжа Насреддин либо пытается рассмешить соседа, либо уличить его в непристойном поступке. Однако, если присмотреться, смысл притчи более глубокий — это размышление, анализ действий, определение различия между иррациональным и логическим мирами.

Цель работы состоит в изучении трех — казахской, уйгурской и узбекской — версий притчи о казане, в которых отразились качества Ходжи Насреддина и показан процесс адаптации и изменения текста в зависимости от культурных и литературных контекстов тюркских народов. Задачи: рассмотреть последовательно все три версии, обсудить общее и различное в трех версиях притчи о казане с определением ключевых элементов, подчеркивающих мудрость и юмор Ходжи Насреддина.

Теоретико-методологической основой настоящей статьи явились публикации учёных, занимавшихся исследованием образа Ходжи Насреддина (Зарифов, 1970; İmomov, 1990; Ögüt-Eker, 2005; Молдатаев, 2007; Feng, 2007; Özdemir, 2009; Мадалиев, 2010; Озюнель, 2010; Aslan, 2011; Рахман, 2012; Кортабаева, 2013; Каскабасов, 2014; Sabatos, 2016; Karaçalı, 2017; Гергокова, 2019; Adar, 2019; Юлдашева, 2020; Torusdağ, Aydın, 2020; Болтаева, 2022).

Источниковой базой послужили тексты версий притчи о казане из различных изданий: казахская версия представлена притчей «Өлген қазан» (Бабалар сөзі, 2013)¹, уйгурская версия — «Казан был беременным» (Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора, 1972)², узбекская версия — «Қозон хам уладими» (Афанди латифалары, 1990)³.

Методологической основой исследования выступают сравнительный и типологический методы, при помощи которых были определены различия и сходства в образе Ходжи Насреддина, а также общие темы и мотивы в собранных текстах.

Казахский Кожанасыр и притча о казане

Для казахской литературы образ Ходжи Насреддина, каз. *Кожанасыр*, занимает важное место, поскольку он воплощает народную мудрость и юмор, являющиеся неотъемлемой частью казахской культуры. Притчи о Ходже Насреддине часто используются для передачи моральных уроков и жизненных принципов. Например, К. Молдатаев в историях Ходжи Насреддина выделил 12 тем, одну из которых он описал так:

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүз томдық [В ста томах] // Құраст / состав.: Әлбеков Т., Алпысбаева Қ., Мүрсәлімова Н. М. Астана: Фолиант, 2013. Т. 98: Күлдіргі әңгімелер [Юмористические устные рассказы]. 440 б. (На каз. яз.)

² Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора / сост.: Г. Л. Пермякова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. С. 559.

³ Афанди латифалары [Анекдоты Афанди]. Туплам [Сборник]. Тупловчи / состав.: Б. И. Саримсоков. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1990. С. 272. (На узб. яз.)

«Жадность — одно из негативных проявлений в поведении общества и личности. В своих юмористических рассказах Ходжа высмеивал необходимость людей избегать такого рода поведения и привычек, из-за которых они не могут наладить хорошие отношения друг с другом» (Молдатаев, 2007: 74).

Кроме того, его образ помогает сохранять и передавать культурное наследие, связывая поколения через общие истории и ценности.

Приведем текст казахской версии притчи о казане.

«Почивший казан.

Однажды в дом Кожанасыра пришли гости. Но в доме был только небольшой казан, которого для гостей оказалось недостаточно. Поэтому Кожанасыр попросил у живущего по соседству богача большой казан. Богач был очень недоволен просьбой и не хотел давать свой казан. Тогда Кожанасыр взмолился богачу и выпросил казан. Накормив и проводив гостей, Кожанасыр принес его обратно хозяину.

Завидев соседа, богач сразу спросил:

— Эй, Кожа, ты не разбил мой казан?

— Нет, господин, Ваш казан целый, и к тому же родил ребенка! — ответил Кожа.

— О чем ты говоришь? Разве казан может родить? — воскликнул богач.

— Если не верите, сами посмотрите! Вот дитя Вашего казана, — ответил Кожанасыр и показал богачу маленький казан, который находился внутри большого.

“Интересно, что сделает сосед?”, — подумал Кожанасыр. Ведь это был его собственный казан, который он специально принес, надеясь, что сосед “вернет маленький казан”. Но разве богач откажется от такой добычи?

— Ну, Кожа, спасибо, до свидания! Если понадобится, можешь снова взять казан, — сказал сразу повеселевший богач. Почему бы не порадоваться, получив вместо одного казана сразу два?! Так Кожа остался без своего казана. Но что поделать? Он сам его принес. Оставив соседу казан, Кожанасыр отправился домой. А по дороге решил: “Дай-ка, я что-нибудь сделаю для этого хапуги”.

И вот через некоторое время Кожанасыр снова обратился к соседу с просьбой дать взаймы большой казан.

— Берите, берите, Кожа! — на этот раз с удовольствием ответил алчный сосед. А сам подумал: “Возможно, Кожанасыр опять что-нибудь положит в мой казан”.

Проходит день, проходит два, а Кожа все не возвращает казан. В конце концов, на третий день богач сам отправился искать свой казан.

— Господин, не считайте меня виноватым! Ваш казан болел два дня и сегодня умер. Я только собрался Вас предупредить и выразить соболезнование, — с грустью сообщил Кожанасыр. На это богач сильно разозлился и стал кричать:

— Дурак! О чем ты говоришь? Разве казан может умереть? Немедленно верни его!

— Не ругай меня, господин! Родивший казан может и умереть. Не я глупый, а ты глупец! — ответил ему Кожа. Обескураженный такими словами богач вернулся домой ни с чем¹.

В этой притче изображены отношения не просто между соседями, а между богатым и бедным, то есть представителями двух противоположных социальных групп. Перед нами знакомый образ богатого человека, как правило, завистливого, ненасытного и жадного. Также в этой версии присутствуют такие характерные для быта казахского народа этнологические понятия, как гостеприимство, выражение соболезнования.

В сравнении с другими вариантами версия казахского фольклора более длинная, в ней хорошо показаны внутренние мотивы Ходжи Насреддина. Например, «Интересно, что сделает сосед?», — по-

¹ Бабалар сөзі [Слово предков]. Жүз томдық [В ста томах] // Құраст / состав.: Әлбеков Т., Алпысбаева К., Мүрсәлімова Н. М. Астана: Фолиант, 2013. Т. 98: Күлдіргі әңгімелер [Юмористические устные рассказы]. 51 б. (На каз. яз.). Перевод текста выполнен Ж. О. Мамбетовым.

думал Кожанасыр»; А по дороге решил: «Дай-ка, я что-нибудь сделаю для этого хапути». И он, сожалея о проявленной глупости, решает вернуть утраченное, и добивается своего. Однако в данном контексте в поступках Ходжи Насреддина отсутствует злой умысел. В то же время перед нами персонаж, который напоминает героя, из-за своей беспечности оказавшегося в нелепой ситуации, но силой слова все же добившегося справедливости.

Наиболее точное описание этого образа Ходжи Насреддина дал казахский литературовед и фольклорист С. Каскабасов: «Внешне казахский Кожанасыр выглядит как простой человек с невысоким интеллектом. А если более пристально всмотреться в образ этого слегка скорбленного человека, который, казалось бы, не смотрит дальше своего подбородка, то за невидимой завесой увидишь теплое, мягкое, веселое и одновременно грустное лицо» (Каскабасов, 2014: 223). Однако Кожанасыр у казахов особенный: он наивен, добродушен, иногда веселит людей, иногда смеется над самим собой. Более интересную характеристику образу дает Г. Кортабаева: «Хотя его действия, натура, поведение забавны, рассказы о нем поучительны и познавательны. В современном обиходе его имя является апеллятивом, так как человека, умеющего приукрасить, пошутить или вовремя подобрать необходимые слова, мы нередко называем «ходячим Кожанасыром» (Кортабаева, 2020: 32).

Таким образом, имя Ходжи Насреддина в казахском языке стало нарицательным, возможно, благодаря тому, что в понимании казахов этот персонаж чист душой и сердцем. Даже став объектом для насмешек, казахский Кожанасыр продолжает давать жизненные уроки и делиться своей мудростью с другими.

Уйгурский Насреддин Афанди и притча о казане

Исследователь юмора уйгурского народа К. Бату пишет, что при упоминании об уйгурском фольклоре, в первую очередь на ум приходят шутки о Насреддине Афанди. По словам Бату, имя «Афанди» происходит от тюркского слова «эфенди». Уйгуры, добавив к притчам о Ходже Насреддине народные шутки и сюжеты, образовали в своей современной литературе целый цикл юмористических рассказов и историй о Насреддине Афанди¹. Еще один исследователь А. Рахман считает, что Насреддин Афанди посредством силы комического языка разоблачает невежество и несправедливость феодального общества и придает народу нравственную опору (Rahman, 2012: 162).

Версия притчи из уйгурского фольклора.

«Казан был беременным.

Как-то Ходжа попросил у богатого соседа казан. Через неделю возвратил его, а с ним — и маленький казанчик в придачу. «Что это значит?» — «Оказывается, казан ваш был беременным, и у нас разродился. Вот я и принес вам мать и дитя». Довольный глупостью Афанди, сосед принял оба казана и ответил: «Спасибо, спасибо, Афанди. Почаще приходи ко мне и бери казан».

Через некоторое время Афанди опять взял казан у соседа. Прошла неделя, месяц, но Афанди не возвращает казан. «Почему не приносишь посуду», — спрашивает сосед. «Превыше всего воля божья», — ответил Афанди. — «Через два дня после того, как я взял ваш казан, он у меня в доме, вот на этом месте, скончался». — «Ты что, в своем уме? — возмутился сосед. — Разве казан может умереть?» — «Как же не может? Если вы верите, что казан может рожать, так почему же не верите, что он может умереть?» — засмеялся Афанди»².

Представленный сюжет, как и представленная выше казахская версия, демонстрирует такие качества человеческой личности, как наивность, доверчивость, глупость. Абсурдность информации Ходжи Насреддина о «размножении» казана была принята соседом за истину. В конце притчи Ходжа Насреддин воспользовался легковерием соседа в своих интересах. В итоге, мы видим, как сосед Ходжи Насреддина, приняв первую нелепость, вынужден был на основе логики и иррационального мышления, принять и «смерть» казана.

¹ Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkın, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 28. (на тур. яз.)

² Пермякова Г. Л. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. С. 379.

Отдельного внимания в уйгурской версии заслуживает предложение «Довольный глупостью Афанди, сосед принял оба казана...». Следовательно, в интерпретации уйгурского народа одним из качеств Ходжи Насреддина была глупость. В этой связи К. Бату отмечает, что

«в некоторых шутках Насреддин Афанди фигурирует как “глупый”, “невежественный”. Тем не менее, эти обстоятельства не сильно влияют на благородный образ героя. Глупость и ум — это две противоположности. При этом не только ум, но и глупость тоже может чему-нибудь научить. За глупостью и невинностью Насреддина Афанди скрываются большой ум и отвага»¹.

Еще одна отличительная особенность уйгурской версии — опора на религиозное познание. Воспользовавшись словами «Превыше всего воля божья», Ходжа Насреддин заявляет о невозможности идти против веления свыше. То есть установленный Богом порядок не подлежит обсуждению, а потому богач не должен более говорить о «почившем казане». В казахской и узбекских версиях такого утверждения не обнаружено.

Итак, главным героем широко распространенных в уйгурском фольклоре юмористических произведений является признанный в уйгурском народе персонаж Ходжи Насреддина. Наряду с такими качествами, как ум, мудрость, справедливость и юмор, ему также свойственны и глупость, наивность. Хотя в сознании народа последние из них не оказывают особого влияния на его имидж. Именно обладание такими качествами позволяют Ходже пользоваться уважением среди народа, защищать людей, призывать их к борьбе с несправедливостью.

Узбекский Насреддин Афанди и притча о казане

По мнению узбекского литературоведа и фольклориста Х. Зарифова, изначально героями узбекских народных анекдотов были персонажи, именуемые «один человек», «один правитель», «один мудрец», «один дервиш», «один бедняк». Однако со второй половины XIX в. все эти герои объединяются в один комический образ Насреддина Афанди, который вытеснил все предыдущие. Такая ситуация сложилась благодаря переводу юморесок на узбекский язык у турецкого и азербайджанского народов (Зарифов, 1970: 224).

Узбекская версия притчи о казане.

«Разве может умереть казан?»

Соседом Насреддина Афанди был Мингбоши. Однажды, когда в дом пришел гость, Афанди попросил у Мингбоши большой казан. Сосед, отдавая казан, сказал:

— Афанди, мой казан ждет ребенка, в этом месяце он должен родить, если мой казан родит у вас дома, обязательно верни его вместе с ребенком.

Афанди очень удивился, но сказал “хорошо” и ушел. На следующий день Афанди отдал Мингбоши вместе с большим казаном свой маленький казан. Мингбоши принял свой казан вместе с ребенком. Несколько дней спустя Афанди снова попросил у Мингбоши большой казан.

Мингбоши, считавший Афанди глупцом, и на этот раз сказал, что его казан ждет ребенка.

— Если у казана будет ребенок, я его принесу, — сказал Афанди и унес казан. Вот уже прошло несколько дней, но казан не возвращался.

Мингбоши разозлился и вызвал Афанди к себе домой.

— Почему ты не вернул мой казан, как обещал? — спросил он.

— Господин, как Вы и сказали, Ваш казан ждал ребенка, но во время родов он умер в мученьях, — с грустью сказал Афанди.

Возмущенный такими словами Мингбоши спросил:

— Разве может казан умереть? На это Афанди ответил самым серьезным тоном:

— Вы верили, что казан родит, и забрали ребенка, так почему не верите, что он умер?»²

¹ Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkan, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 158. (на тур. яз.)

² Афанди латифалары [Анекдоты Афанди]. Туплам [Сборник]. Тупловчи / состав.: Б. И. Саримсоқов. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1990. S. 63. (На узб. яз.). Перевод текста выполнен Ж. О. Мамбетовым.

Как видно, эта версия отличается от сюжета казахского и уйгурского вариантов. В предыдущих версиях притчи о казане Ходжа Насреддин обращается с просьбой к богатому соседу, а в узбекской вариации — к соседу Мингбоши (от узбекского *mingboshi* 'старейшина' или 'начальник армии')¹.

Еще одно отличие: сосед сообщает, что казан, который он отдает, «ожидает ребенка». Ходжа Насреддин, отметив корыстолюбие соседа, возвращает казан вместе с «детищем» — маленьким казанчиком. И чтобы разоблачить злые намерения Мингбоши, Ходжа Насреддин вновь просит дать ему казан. Так и не дождавшемся очередного возврата соседу он сообщил: «Ваш казан ждал ребенка, но во время родов он умер в мученьях».

Узбекский литературовед М. Ш. Болтаева отмечает, что Насреддин умеет выходить из любой ситуации победителем с помощью слова. «Насреддин, виртуозно владея словом, нейтрализует любое свое поражение. Частые приемы Ходжи — притворное невежество и логика абсурда» (Болтаева, 2022: 90). А Юлдашева считает, что рассказы Насреддина — это противостояние «низа» — «верха». Насреддин представляет «низ», всегда одерживающий победу в конкретных бытовых ситуациях, тем самым нарушая установленный миропорядок. По ее словам, Насреддин как бы играет роль простого человека по внешнему виду, но на самом деле он точно просчитывает наперед действие вышестоящих по социальному статусу людей. Часто Насреддин ничего преднамеренно не придумывает, ему не приходится лгать, он просто подчиняется логике сложившейся социальной системы (Юлдашева, 2020: 645).

То есть, обладая способностями к аналитическому мышлению, он способен точно определить характер и психологию другого — своего противника, заранее предсказать его намерения и принять решение для ответного действия. По этому поводу турецкий литературовед Ф. Аслан отметил: «Люди могут верить в события, которые вряд ли произойдут, если они отвечают их собственным интересам. Однако они не хотят верить в те же события, если они не соответствуют их интересам» (Aslan, 2011: 45). Также турецкий фольклорист З. Байрактар писал, что Ходжа дал жизнь неодушевленному существу, приписав казану человеческие качества². Эта ситуация, противоречащая нашему восприятию и ожиданиям в повседневной жизни, породила дисгармонию, и таким образом несовместимая, неожиданная ситуация могла вызвать смех. А исследователь узбекского фольклора Э. Солмаз отмечает, что смысл, содержащиеся в шутках узбекского Насреддина Афанди важны не только с точки зрения причин смеха, но и с точки зрения ценностных суждений узбекского народа³.

В понимании узбеков, Ходжа Насреддин способен не только сочетать в себе такие качества и способности, как гуманность, мудрость, изобретательность, но и эффективно использовать и контролировать их противоположности. Вместе с тем образ Ходжи Насреддина демонстрирует идеальную комбинацию мудрости, нравственности, изобретательности и понимания особенностей человеческой натуры.

Общее и различия в трёх версиях притчи о казане

Анализ упомянутых выше версий притчи о казане в фольклоре трех народов выявил следующее: главный герой — Ходжа Насреддин, второстепенный герой — сосед; предмет, который дополняется к возвращенному казану — маленький казан; победитель в споре — Ходжа Насреддин; блюдо, которое готовится в казане, — неизвестно. Во всех версиях отсутствует описание внешности персонажей, но представлены их действия. Также во всех версиях отсутствует образ соседа, обладающего такими положительными качествами, как человечность и совесть. Ни один из соседей не предложил Ходже Насреддину забрать маленький казан обратно.

¹ O'zbek tilining izohli lug'ati [Электронный пещур] // Izoh.uz. URL: <https://izoh.uz/word/mingboshi> (дата обращения: 30.12.2024).

² Bayraktar Z. Mizah teorileri ve mizah teorilerine göre Nasreddin Hoca fıkralarının tahlili [Анализ идей Насреддина Ходжи с точки зрения юмористических теорий]. İzmir, Ege Üniversitesi, 2010. S. 108. (На тур. яз.)

³ Solmaz E. (2016) Özbek mizahında Nasreddin Hoca tipi ve fıkraları [Типы и идеи Насреддина Ходжи в узбекском юморе]. İzmir, Ege Üniversitesi, 2018, S. 533. (На тур. яз.)

Также определены и следующие различия. В казахской литературе Ходжа Насреддин представлен под именем Кожанасыр, а в уйгурской и узбекской — Афанди. В казахской и уйгурской версиях сосед Ходжи Насреддина богат. В этой части узбекская версия имеет свою особенность: соседом является Мингбоши, но о его материальном положении ничего не говорится. Кроме того, в казахской и узбекской версиях он берет казан взаймы, потому что к нему в дом пришел гость, в уйгурской версии цель такого действия остается неизвестной. В казахской версии казан «болеет» два дня и «умирает», а в узбекском варианте — казан «умирает» во время родов. В казахской версии в связи со смертью казана Кожанасыр выражает соболезнование его владельцу. В уйгурской версии прослеживаются религиозные мотивы.

В данном произведении «казан» является не только важным понятием в познании, быту и культуре тюркских народов, но и одним из основных элементов, определяющих социальные и материальные различия в обществе. Так как Ходжа Насреддин — представитель простых людей, он не имеет в своем хозяйстве большого казана. И по этой причине просит его у соседа или у богача. В свою очередь, образ Ходжи Насреддина символизирует человека, обладающего способностью проявлять мудрость и терпение в простых житейских ситуациях, проникать вглубь вещей, улавливать и понимать неприметные глазу детали и истины. В то же время Ходжа Насреддин хорошо знает конечную цель, натуру и психологию хозяина казана. Поэтому он не ведет открытую борьбу, а использует выгоду от сложившейся ситуации: помогая вначале соседу достичь намеченной и желанной цели, сам становится триумфатором.

Также все версии дают повод для размышлений над вопросом: являются ли действия Насреддина результатом его наивности или проявлением его изобретательности. Некоторые ученые выдвигают идею о неоднозначности образа Насреддина. Например, К. Имомов считает, что образ Афанди в узбекской литературе представлен в двух нарративах. В первом случае, Афанди обладает богатым жизненным опытом, красноречием, мудростью, любит правду и с помощью сатиры и юмора противостоит несправедливости. Во втором — Афанди забавляет людей шутками, в то время как над ним самим смеются, считая его беспечным, наивным человеком (İmometov, 1990: 217). Этому же мнения придерживается и И. Шах. Он считает, что к Насреддину относятся по-разному: «то он очень глупый, то он невероятно умен, то он обладатель мистических тайн»¹. По словам Бату, «Когда Насреддин Афанди предстает перед нами в образе глупца, мы много смеемся, но в этот момент мы также воспринимаем его мудрость»². На наш взгляд, образ Насреддина не следует рассматривать только как находчивого, иногда глуповатого и забавного персонажа. Его «нелепые действия» в некоторых ситуациях являются ярким проявлением присущей Насреддину мудрости. Он приспосабливается к сложившимся обстоятельствам, поэтому для достижения определенных целей порой ведет себя как глупый и наивный человек. В связи с этим, образ Насреддина необходимо воспринимать не только в качестве рационального, красноречивого, остроумного или наивного, глупого и смешного персонажа, опираясь на его характеристику, а больше как впитавшего в себя все эти свойства сложного и уникального героя. То есть анализировать образ Насреддина необходимо в направлении «от частного — к общему».

Мы видим, что ни в одной из версий Ходжа Насреддин не является чужим по духу, перешедшим из литературы другого народа, персонажем. Яркое проявление национального характера в его образе каждой из трех версий, на наш взгляд, можно считать одним из доказательств того, что все названные выше народы считают Ходжу Насреддина своим. И казахи, и уйгуры, и узбеки сделали из него собственного национального литературного героя. Так, по словам Фэна, «... уйгурский народ вооружил его новыми идеями и новым пониманием, приобретенными в ходе многолетней практической деятельности, сделав его героем народа» (Feng, 2007: 99). Точно так же казахский и узбекский народы через образ Насреддина стремились, начиная от повседневного быта, передать, свой многовековой опыт, мудрость, знания и понимание жизни. По мнению Карачалы, «именно благодаря ценностям

¹ Шах И. Подвиги несравненного Ходжи Насреддина. М.: Эннеагон пресс, 2009. С. 6.

² Batu K. Uygur halk mizahinin önemli tipleri (Nesirdin Ependi, Seley Çakkan, Molla Zeydin, Hisam kurban) [Важные персонажи уйгурского народного юмора (Насреддин Эфенди, Селяй Чаккан, Мулла Зейдин, Хисам Курбан)]. Antalya, Akdeniz Üniversitesi, 2018. S. 158. (на тур. яз.)

суждениям Ходжи Насреддина и универсальному содержанию повествований его принимают в каждом обществе и принимают как члена этого общества» (Karaçalı, 2017: 243).

То, что притчи о Насреддине получили широкое распространение в литературе разных народов и обществ, возможно, заключается в многогранности историй о нем, поднимающих социальные и прочие важные проблемы, а также «в его адаптивности и гибкости перед лицом контекстуальных трансформаций» (Özdemir, 2009: 593). Таким образом, Насреддин, будучи типичным для литературы определенного народа персонажем, все же постепенно усложняется и преобразовывается. Мы считаем, что различия в образах Насреддина в литературе разных народов зависят от географического положения, религии, языка, особенностей культуры, истории, традиций и образа быта этих народов. По мере того, как Насреддин входил в определенный географический регион, он вбирал в себя специфику и элементы этой страны, формировал свою «новую версию» в литературе народа, проживающего в данном регионе. Таким образом, Насреддин постепенно приобретает масштабность в тюркской и мировой литературе.

Также считаем необходимым упомянуть о том, как притча о казане была адаптирована к современным условиям. По данным Ф. Аслана, «в виртуальной культурной среде видно, что некоторые элементы в ней изменились», что «ноутбук» заменил «казан», а рожденное от ноутбука «дитя» — это теперь не маленький казан, а «веб-камера» (Aslan, 2011: 45). Несмотря на трансформацию отдельных компонентов, как и прежде, притча о Ходже Насреддине «в юмористической форме подчеркивает противоречия, не оскорбляя, но направляя человека на истинный путь, иногда удивляя и заставляя его задуматься»¹. В настоящее время истории о Ходже Насреддине «во многих культурах мира стали символом смеха и веселья» (Özdemir, 2009: 593), за которыми скрыт глубокий и серьезный по содержанию смысл.

На наш взгляд, Ходжа Насреддин является ярким представителем общего литературного наследия, традиций и знаком преемственности тюркских народов. Посредством создания таких культурных, духовных, социальных и исторических связей этот персонаж вносит существенный вклад в укрепление международной коллаборации. Он способен вобрать в себя национальные черты и характер любого сообщества. К тому же притчи о нем легко адаптируются к глобальным изменениям, различным инновационным процессам и научно-технологическим новшествам, сохраняя при этом основную идею и цель. Это главный показатель жизненной силы литературного наследия, относящегося к имени и уникальному образу Ходжи Насреддина.

Таким образом, мы видим, что Ходжа Насреддин — «национальный герой, который позволил сохранить культурные ценности и единство тюркского мира» (Öğüt-Eker, 2005: 33), «как транскультурная икона» (Sabatos, 2016: 37) он и в дальнейшем может способствовать установлению мира и братства в разных странах и сообществах.

Заключение

В результате проведенного исследования нами был рассмотрен образ Ходжи Насреддина в контексте трех версий притчи о казане тюркских народов, а именно: казахского, уйгурского и узбекского. Сравнительный анализ этих трех версий показал, что каждая версия имеет свои особенности, сходства и различия, которые непосредственно связаны со специфическими знаниями, образом жизни и религиозными взглядами этих народов. В ходе работы на примере трех версий одной притчи была дана характеристика персонажу Ходжи Насреддина, ценным качествам его личности. Также было установлено, что образы Ходжи Насреддина каждого народа не только имеют общие, но и индивидуальные черты, при этом именно последние и делают его образ более масштабным и многослойным в тюркской и мировой литературе.

Необходимо отметить, что варианты сюжета данного произведения были также найдены в татарской, кыргызской, караимской и туркменской литературе. Мы полагаем, что эти версии притчи о казане могут стать основой для проведения новых исследований в будущем. Так как дальнейшее изуче-

¹ Кая М. Ходжа Насреддин. Анекдоты и сатирические миниатюры в стихах. Астана: Фолиант, 2019. С. 5.

ние версий притчи о казане других тюркских народов позволит углубить понимание литературных и культурных контекстов, влияющих на адаптацию и изменения притчи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтаева, М. Ш. (2022) Образ Ходжи Насреддина как источник духовно-нравственного воспитания молодёжи // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. Vol 3. Issue 12. P. 88–91.

Гергокова, Л. С. (2019) Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. № 3 (42). С. 207–215. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215>

Зарифов, Х. (1970) Ўзбек фольклористикаси тарихидан. Ўзбек фольклори масалалари [Из истории узбекской фольклористики. Проблемы узбекского фольклора]. Ташкент : Фан. 264 с. (На узб. яз.)

Қасқабасов, С. (2014) Тандамалы [Избранное] : жеті томдық [в 7 томах]. Астана : Фолиант. Т. 1. Қазақтың халық прозасы. Зерттеулер [Казахская народная проза. Исследования]. 320 б. (На каз. яз.)

Қортабаева, Г. (2020) Қазақ ономастикасы: поэтонимдердің этнолингвистикалық сипаты (сатиралық-юморлық шығармалар бойынша) [Казахская ономастика: этнолингвистический характер поэтонимов (по сатирико-юмористическим произведениям)]. Алматы : Қазақ университеті. 237 б. (На каз. яз.)

Мадалиев, Я. (2010) Түркі халықтары әдебиетіндегі Қожанасыр, зерттелу мәселелері [Кожанасыр в литературе тюркских народов, проблемы исследования] // Қазақ тілі мен әдебиеті. № 1. С. 130–134. (На каз. яз.)

Молдатаев, К. (2007) Насреддин Хожа әңгімелерінің тақырыптары [Темы рассказов Ходжи Насреддина] // ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. № 6. С. 73–77. (На каз. яз.)

Озюнель, Е. О. (2010) Ходжа Насреддин: герой чи антигерой, мудрец чи пройдисит? [Ходжа Насреддин: герой или антигерой, мудрец или пройдоха] // Народна творчість та етнографія. № 5. С. 90–93. (На укр. яз.)

Рахман, А. (2012) Қашғар халқ сөзлук әдәбияти. [Кашгарская устная народная литература]. Қашғар : Қашғар уйғур нәшри. Б. 292. (На уйғ. яз.)

Юлдашева, С. Т. (2020) Изучение образа Ходжи Насреддина в мировой литературе // Молодой ученый. № 22 (312). С. 643–647.

Adar, C. S. (2019) The most commonly used visual images in Nasreddin Hodja anecdotes and the meanings attributed to these images // International Journal of Educational Policy Research and Review. Vol. 6. Issue 2. P. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15739/IJEP RR.18.005>

Aslan, F. (2011) Sanal kültür ortamında güncellenen Nasreddin Hoca fıkraları [Обновление идей Насреддина Ходжи в виртуальной культурной среде] // Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol 6. Issue 4. P. 39–60. DOI: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.2801> (На тур. яз.)

Feng, X. (2007) Afanti Xinxiang: Shengming, Wenhua, Shenmei de Fuhao 阿凡提形象: 生命、文化、审美的符号 [The image of Afanti: Symbol of life, culture and aesthetics]. Xinjiang Shifan Daxue Xuebao 新疆师范大学学报 [Journal of the Xinjiang University]. Vol. 28. Issue 2. P. 97–100. (На кит. яз.)

İmomov, K. (1990) O`zbek xalq og`zaki ijodi [Узбекское устное народное творчество]. Taşkent : O`qituvchi Neşriyatı. S. 217. (На узб. яз.)

Karaçalı, M. (2017) Özbek, kirgiz, kazak, azerbaycan ve gagauz türkləri ekseninde Nasreddin Hoca fıkralarının ortak paydası [Общий знаменатель идей Насреддина Ходжи у узбекских, кыргызских, казахских, азербайджанских и гагаузских тюрков] // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. Vol. 5. Issue 11. S. 242–257. (На тур. яз.). DOI: <https://doi.org/10.33692/avasyad.509676>

Ögüt-Eker, G. (2005) Nasrettin Hodja in the Turkic World // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 10. Issue 1. P. 33–53.

Özdemir, N. (2009) Sanal Kültür Ortamında Nasreddin Hoca [Насреддин Ходжа в виртуальное культурное среде]. 21. Yüzyılı Nasreddin Hoca İle Anlamak Uluslararası Sempozyum Bildirileri [Понимание XXI века через призму Насреддина Ходжи. Материалы международного симпозиума]. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, Ankara. S. 593. (На тур. яз.).

Sabatos, C. (2016) Nasreddin Hodja's foolish wisdom: Slavic literary adaptations of a Turkish folk hero // World Literature Studies. Vol. 51. Issue 1. P. 18–32.

Torusdağ, G., Aydın, İ. (2020) The power of discourse, critical discourse analysis on Nasreddin Hodja anecdotes // *Journal of Social and Humanities Sciences Research*. Vol. 7. Issue 60. P. 2888–2893. DOI: <https://doi.org/10.26450/jshsr.2118>

Дата поступления: 30.10.2024 г.

Дата принятия: 18.02.2025 г.

REFERENCES

Boltayeva, M. Sh. (2022) The image of Hodja Nasreddin as a source of spiritual and moral education of youth. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*, vol. 3, no. 12, pp. 88–91. (In Russ.)

Gergokova, L. S. (2019) Embodiment of typical features of the national character in the image of Hodja Nasreddin in Karachay-Balkar folklore. *Vestnik KBIGI*, no. 3(42), pp. 207–215. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215>

Zarifov, Kh. (1970) *From the history of Uzbek folkloristics. Issues of Uzbek folklore*. Tashkent, Fan. 264 p. (In Uzbek)

Kasqabasov, S. (2014) *Selected works: in 7 volumes*. Astana, Foliant. Vol. 1. *Kazakh folk prose. Studies*. 320 pp. (In Kazakh)

Kortabayeva, G. (2020) *Kazakh onomastics: ethnolinguistic features of poetonyms (based on satirical and humorous works)*. Almaty, Kazakh University. 237 p. (In Kazakh)

Madaliev, Ya. (2010) Hodja Nasreddin in the literature of Turkic peoples: research issues. *Kazaq tili men adabiet*, no. 1, pp. 130–134. (In Kazakh)

Moldatayev, K. (2007) Themes of Hodja Nasreddin stories. *KazUU Khabarshysy. Filologiya seriyasy*, no. 6, pp. 73–77. (In Kazakh)

Ozunel, E. O. (2010) Hodja Nasreddin: hero or antihero, sage or rogue? *Narodna tvorchist ta etnohrafiya*, no. 5, pp. 90–93. (In Ukrainian)

Rakhman, A. (2012) *Kashgar oral folk literature*. Kashgar, Kashgar Uyghur Publishing House. 292 p. (In Uighur)

Yuldasheva, S. T. (2020) The study of the image of Hodja Nasreddin in world literature. *Molodoy uchenyy*, no. 22 (312), pp. 643–647. (In Russ.)

Adar, C. S. (2019) The most commonly used visual images in Nasreddin Hodja anecdotes and the meanings attributed to these images. *International Journal of Educational Policy Research and Review*, vol. 6, issue 2. P. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.15739/IJEP RR.18.005>

Aslan, F. (2011) Updating Nasruddin Hodja's ideas in a virtual cultural environment. *Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol 6, issue 4, pp. 39–60. (In Turkish). DOI: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.2801>

Feng, X. (2007) 阿凡提形象：生命、文化、审美的符号 [The image of Afanti: Symbol of life, culture and aesthetics]. *Journal of the Xinjiang University*, vol. 28, issue 2, pp. 97–100. (In Chinese)

İmomov, K. (1990) *Uzbek oral folk art*. Taşkent, Okıtuvçı Neşriyatı. 217 p. (In Uzbek)

Karaçalı, M. (2017) The common denominator of Nasreddin Hodja's ideas among Uzbek, Kyrgyz, Kazakh, Azerbaijani and Gagauz Turks. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, vol. 5, issue 11, pp. 242–257. (In Turkish). DOI: <https://doi.org/10.33692/avrasyad.509676>

Öğüt-Eker, G. (2005) Nasrettin Hodja in the Turkic World. *International Journal of Central Asian Studies*, vol. 10, issue 1, pp. 33–53.

Özdemir, N. (2009) Nasreddin Hodja in a virtual cultural environment. In: *21. Understanding the 21st century through the prism of Nasruddin Hodja. Proceedings of the International Symposium*. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, Ankara. Pp. 593. (In Turkish).

Sabatos, C. (2016) Nasreddin Hodja's foolish wisdom: Slavic literary adaptations of a Turkish folk hero. *World Literature Studies*, vol. 51, issue 1, pp. 18–32.

Torusdağ, G. and Aydın, İ. (2020) The power of discourse, critical discourse analysis on Nasreddin Hodja anecdotes. *Journal of Social and Humanities Sciences Research*, vol. 7, issue 60, pp. 2888–2893. DOI: <https://doi.org/10.26450/jshsr.2118>

Submission date: 30.10.2024.

Acceptance date: 18.02.2025.